

УДК 903.8

Н.Ю. Кунгурова¹, Ю.В. Оборин²¹НПЦ «Наследие»

ул. Ползунова, 39, Барнаул, 656043, Россия

E-mail: kungurva@mail.ru

²Институт цветных металлов и материаловедения Сибирского федерального университета
пр. им. газеты «Красноярский рабочий», 95, Красноярск, 660025, Россия

E-mail: oborin.yur@yandex.ru

КЛАД, ОБНАРУЖЕННЫЙ НА Р. УЙБАТ (МИНУСИНСКАЯ КОТЛОВИНА)

Статья вводит в научный оборот новый материал – клад, обнаруженный на р. Уйбат. Он включает серии предметов, относящихся ко второму этапу тесинской культуры. Изделия из железа и бронзы имеют аналогии с датированными II в. до н.э. – I в. н.э. материалами, в т.ч. из кладов и погребений Хакасии и Алтая. Здесь встречены редкие экземпляры, позволяющие расширить представления о материальной культуре населения.

Ключевые слова: клад, проушный топор, зеркало, ложечковидные застёжки, железный кинжал, решетчатые пластины, архар, тесинский этап тагарской культуры, хунну, период Воюющих царств.

Введение

Река Уйбат протекает по южной части Минусинской котловины и впадает в р. Абакан – левый приток Енисея. Она знаменита своими древностями: курганами и каменными оградками, стелами, наскальными надписями и рисунками, каменными скульптурами, барельефными окуневскими личинами, оленными камнями, скрывает еще много нераскрытых тайн. Одной из важных категорий памятников древних эпох являются вещевые клады. В верховьях Енисея их находили и раньше: Аскыровский ханьского времени (I в. до н.э. – I в. н.э.), зарытый в двух местах кургана [Вадецкая, 1999, с. 72; Кызласов, 1960, с. 163]; Новопятницкий тагарский у с. Новопятницкого Уярского р-на Красноярского края; Ишимский с тагарскими, таштыкскими, кулайскими вещами у д. Ишимки, к северу от г. Ачинска [Ермолаев, 1914]; Косогольский клад тагарских и хуннских предметов числом не менее 300 [Нащёкин, 1967, с. 163–165]; Знаменский, захороненный возле ограды тагарского кургана у с. Знаменка; Язиевский с бронзовыми изделиями разных эпох у г. Саяногорска (бывшее с. Означное).

В большинстве найденных кладов вещевые комплексы хронологически неоднородны и датировались

в пределах одного-двух веков. Возраст части вещей, например топоров, «пешней», тесел, не был установлен, либо они отнесены к средневековью. Не ясны цели формирования кладов и происхождение наборов вещей. Неоднократно высказывалось мнение о том, что предметы оставлены мастерами для их последующей переплавки либо переделки [Степная полоса..., 1992, с. 230].

В 2011 г. был случайно обнаружен еще один клад бронзовых и железных вещей. Он является ценным дополнением в категории таких памятников в долине Енисея. Клад найден в пади Харасуг на правом берегу р. Уйбат в 7 км к северо-западу от пос. Чаркова Республики Хакасии (рис. 1). Тайник был устроен под камнем в подножии невысокого холма.

Предметы из Уйбатского клада и их культурно-хронологические параллели

Предметы клада были компактно уложены один слой на другой: железные внизу, бронзовые сверху. Всего насчитали 141 изделие (рис. 2). Бронзовые предметы: 10 целых зеркал и один фрагмент китайского зеркала,

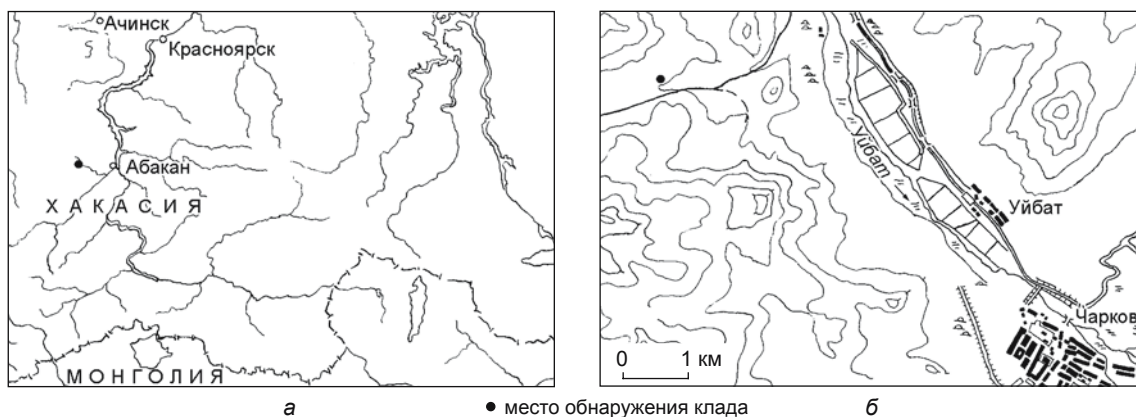

Рис. 1. Расположение места нахождения клада (а) и план этой местности (б).

Рис. 2. Предметы клада.

21 кольцо от упряжи, 16 пронизей для ремней, 2 ременные обоймы, 3 варворки, 10 круглых бляшек, 16 ложечковидных застёжек, 2 пряжки, распределитель ремней, s-образная псаля, обломки решетчатых пластин и фрагмент ажурной бляхи. Изделия из железа: 11 серповидных ножей, 6 топоровидных инструментов, 21 железное кольцо, 2 пары сцепленных кольчатых удила, 3 кинжала, нож, s-образная псаля, 5 инструментов различного назначения, фрагментированные наконечники стрел. Это не случайно собранные предметы, а комплекс, состоящий из определенных категорий изделий. Обычно клад разновременных вещей датируется по самым поздним образцам. Следуя этому принципу, мы попытались определить культурную принадлежность и время бытования изделий, выделив характерные вещи и группы предметов.

Зеркала (рис. 3) почти все массивные, дисковидные, диаметром от 9 до 12 см, с кнопкой на четырех ножках, лишь одно имеет высокую прямоугольную петельку. Исключение составляет маленькое зеркало медалевидной формы с обломанной ручкой-петелькой (рис. 3, 2). Кнопки трех изделий украшает трехлопастный «коловорот» – солярный символ циклических обращений (рис. 3, 1). Зеркала с кнопкой на четырех ножках были распространены в VI–III вв. до н.э. в тагарской культуре на территории Минусинской котловины, Тувы [Членова, 1967, с. 115–120; табл. 27, 12–14; Лубо-Лесниченко, 1975, с. 9]. В Косогольском кладе, содержащем хуннские предметы, есть два аналогичных изделия [Нашёкин, 1967]. На кнопке тагарских зеркал VI–III вв. до н.э. изображалось свернутое животное, часто в технике утрированной прорисовки. Развитие

скифского звериного стиля шло по линии формирования символов. Мотив солярного трехлопастного знака нашел отражение в орнаментике бронз на тесинском этапе тагарской культуры [Степная полоса..., 1992, табл. 94, 26], охватывающем два последних века до нашей эры. Высокая прямоугольная петелька на зеркалах появилась тоже на этом этапе. Вихревым орнаментом украшен фалар из могильника Усть-Эдиган хуннского времени в Горного Алтае [Худяков, 1998, с. 101, рис. 7]. В рассматриваемом кладе трехлопастный солярный знак изображен и на двух бронзовых бляшках того же размера, что и кнопка на зеркалах. Одинаковый стиль исполнения, несомненно, объединяет эти изделия.

Обломок китайского зеркала из белой оловянистой бронзы 63×59 мм орнаментирован по краю фестончатой лентой, обрамленной ободком, со спиральными завитками по всему полю (рис. 3, 3). Подобные изделия производились в Китае в период Воюющих царств (Чжанго, 475–221 гг. до н.э.) [Ван Ган-Хуай, 2004, с. 48]. Аналогичный обломок зеркала найден в булан-кобинском погребении в кург. 52 Яломана II на Алтае. Согласно радиоуглеродным датам, функционирование этого могильника относится к II–I вв. до н.э. [Тишкин, Серёгин, 2011, с. 44]. Подобный фрагмент зеркала рассматривался в работе Е.И. Лубо-Лесниченко [1975, рис. 3]. Он хранится в Государственном Эрмитаже (№ 325/1), происходит с р. Бея на юго-востоке Хакасии и датирован III в. до н.э.

Железные кинжалы представлены тремя экземплярами. Все они с перекрестьями, выполнены в едином стиле, и все же различаются между собой (рис. 4, 1–3). Один кинжал черешковый, без навершия, с тремя отверстиями для шпилькового крепления накладок рукояти; другой отличается изогнутым перекрестьем, узкой рукояточной частью и прямым брусковым навершием; третий – дисковидным щитковым навершием с бортиком. Распространено мнение, что железные кинжалы копируют бронзовые образцы, широко известные среди тагарско-пазырыкских стереотипов Алтая и Минусинской котловины [Кубарев, Шульга, 2007, с. 74–78]. Широкий железный кинжал с изогнутым перекрестьем и брусковым навершием, а также кинжал с дисковидным щитковым навершием найдены в погребениях Новотроицкого могильника в Алтайском крае [Шульга, Уманский, Могильников, 2009, рис. 108]. Памятник относится к позднему этапу каменной культуры, который завершает скифское время в Верхнем Приобье (III–II вв. до н.э., но авторы работы предполагают удревнить до IV в. до н.э. [Там же, с. 181]). Такие же в точности изделия обнаружены на горе Пикет в предгорьях Алтая и на Семинском перевале (случайные находки), датируются III в. до н.э. – II в. н.э. [Троицкая, 1979, с. 12, табл. VII, 8]. Кинжалы с дисковидным щитковым навершием найдены в кургане Новые Мочаги [Кузьмин, 2011, табл. 53]. Они

Рис. 3. Бронзовые зеркала.

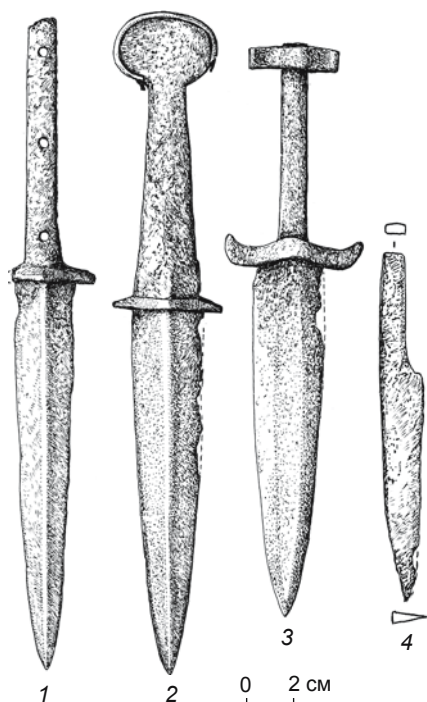

Рис. 4. Железные кинжалы (1–3) и нож (4).

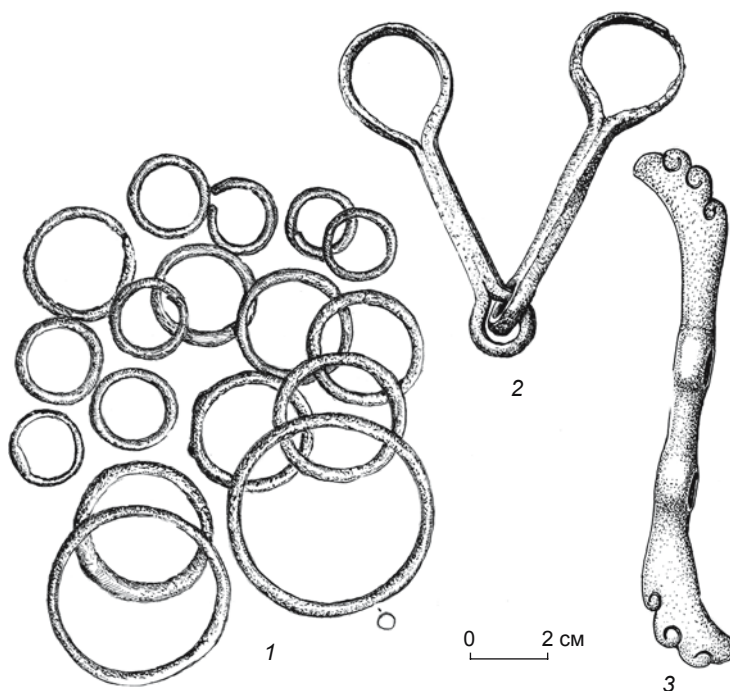

Рис. 5. Кольца-соединители (1), железные удила (2) и бронзовая псалия (3).

характерны для среднего (II) этапа тесинской культуры. Относительно редко встречаются черешковые кинжалы со шпеньковым жестким креплением рукояти. Такое крепление имел бронзовый кинжал из погребения могильника Усть-Иша V в Верхнем Приобье [Скопинцева, 1998, с. 122, рис. 1, 15], датированного раннескифским временем (VI–V вв. до н.э.). Однако по форме он резко отличается от представленных в кладе. М.Н. Пшеницына пишет, что железные черешковые кинжалы впервые появились на тесинском этапе и характерны для последующего времени [Степная полоса..., 1992, с. 232].

Железный нож с черешком, прямым, чуть изогнутым к острию обушком и односторонней бородкой (рис. 4, 4) сходен с орудиями данной категории, имевшими хождение в хуннское время. Например, такие же ножи найдены на поселении Казанково V/1, 2 в Кузнецком Алатау [Ширин, 1999, с. 32, рис. 4, 8, 9; 9, 1] вместе с керамикой фоминского типа (начало I тыс. н.э.) [Ширин, 2003, с. 54].

Псалии представлены бронзовым и железным экземплярами, близкими по форме. Они двухдырчатые s-видные. Уплощенные окончания бронзовой псалии украшены волнистым гребешком с нарезными завитками (рис. 5, 3). Аналоги известны в материалах хуннского времени (II в. до н.э. – II в. н.э.) [Коновалов, 1976, табл. IX, 3, 4]. Уплощенные концы железной псалии имеют шляпковидные навершия.

Железные удила с однокольчатыми завершениями (рис. 5, 2) бытовали в кочевом мире до раннего сред-

невековья и, скорее, дополняли элементы узды, представленной в кладе.

Бронзовые ременные пряжки с неподвижным язычком имеют одинаковые пропорции (рис. 6, 3, 4). У них округло-прямоугольная рамка, в одном случае с перемычкой, гладкая, в другом – без нее, с парным зооморфным изображением козлов аргали. Морды показаны в профиль, дугообразные рифленные рога соединены друг с другом. В тагарской культуре форма этих пряжек и зооморфный стиль развивались с VII–VI вв. до н.э. [Мартынов, 1979, с. 78]. Часто на пряжках изображались аргали. Горный козел был одним из основных персонажей в хуннском зверином стиле [Худяков, 1998, с. 101]. Подобная пряжка найдена в погр. 26 тесинского могильника у д. Калы в междуречье Абакана и Енисея [Кузьмин, 1988, рис. 13, 4]. Пряжки с неподвижным язычком и зооморфными планками с изображением козлов аргали встречены в курганах 20, 21 Новотроицкого-2 в Алтайском крае на р. Чумыш [Шульга, Уманский, Могильников, 2009, рис. 116].

Рассмотренные предметы имеют аналогии в основном в материалах III–I вв. до н.э., периода, которому соответствует тесинский этап тагарской культуры. Следующая группа вещей клада не характерна для этой культуры: решетчатые пластины прямоугольной формы, ложечковидные зооморфные подвески-застежки, круглые бляшки, ажурные круглые подвески, варворки. Такие предметы были в хождении в позднее тагарское время. Распространение нового стиля отме-

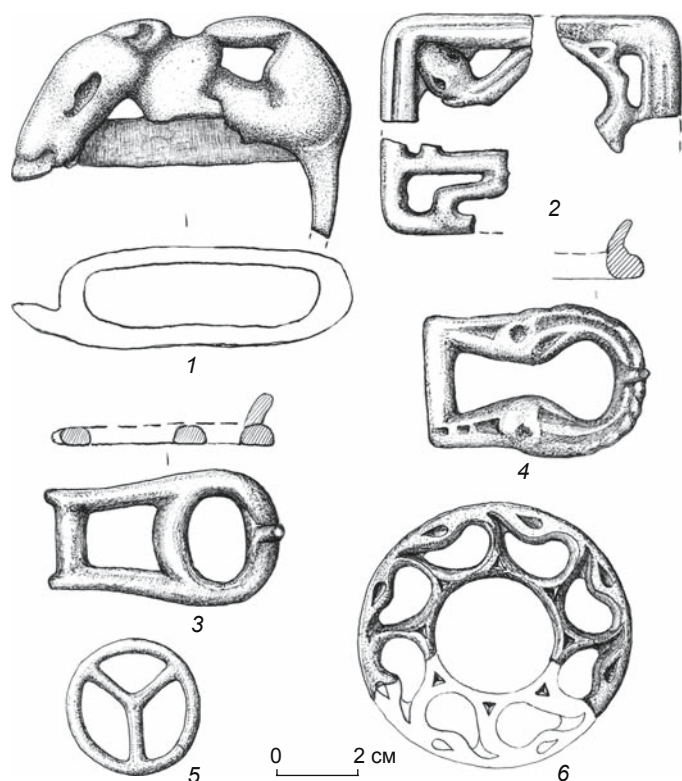

Рис. 6. Предметы ременной фурнитуры.

чается на тесинском этапе и тяготеет к предметному миру культуры хунну (сюнну), которая оказывала существенное влияние на культуру народов Южной Сибири со II в. до н.э. и получила дальнейшее развитие в последующее время (II в. до н.э. – II в. н.э.).

Решетчатые прямоугольные пластины с зооморфным изображением в уйбатском кладе представлены тремя обломками (рис. 6, 2; 7, 1). Они не позволяют полностью определить сюжет декора. Сохранились фрагменты с хвостом и крупной головой змеи, выполненными в манере, подобной оформлению блях из д. Сыда (собрание Госэрмитажа) и Ордоса (коллекция Д. Давид-Вейля) [Дэвлет, 1976, рис. 4]. Один фрагмент изображения близок ломаному меандровому орнаменту. П.П. Азбелев пишет, что «таштыкцы порой творчески обыгрывали случайное сходство редуцированного хуннского мотива» с тамгообразным знаком, включая в декор изображения животных (разворот головы дракона, быка, распростертого орла) [2008, с. 70]. Таково оформление хуннских пряжек из алтайского могильника Яломан II, а также из Китая и с Корейского п-ова [Соёнов, Эбель, 1992]. Чаще всего в погребениях хуннского времени встречаются бронзовые решетчатые пластины прямоугольной формы с зигзагообразным, змеевид-

ным, меандровым орнаментом. Прямоугольные ажурные пластины с изображениями змей найдены на Иволгинском городище [Руденко, 1962, рис. 56], у д. Кокорева [Дэвлет, 1976, рис. 4]. Они есть в Косогольском кладе, датированном III–I вв. до н.э. Следует отметить, что подавляющая часть вещей в этом кладе относится к хуннской культуре [Нащёкин, 1967, с. 163, 164]. Решетчатые пластины часто встречаются в погребениях на территории Минусинской котловины, Тувы и Забайкалья. М.А. Дэвлет рассматривает их как ордосские и минусинские бляхи и отмечает, что на памятниках ранней и средней поры тагарской культуры прототипов этих украшений нет [1975]. Они получили распространение в III–I вв. до н.э.

Круглая ажурная бляха в хуннском стиле (см. рис. 6, 6; 7, 2) является стандартным образцом украшений, распространившихся в тесинское время. Она выполнена из бронзы, диаметром 5,6 см, декорирована изображениями восьми псевдороговых отростков. Такие бляхи найдены на многих могильниках тесинского времени: у д. Калы (мог. 11) [Кузьмин, 1988, рис. 14, 30], у г. Саяногорска (погребение II–I вв. до н.э.) [Кузьмин, 1983], Есино III (погр. 24) [Савинов, 2009, с. 76, рис. 10], Дэрестуйском [Руденко, 1962, рис. 41], Тепсей VII (мог. 3) [Комплекс..., 1979, рис. 52], Разлив III (кург. 36), Толстый Мыс V [Кузьмин, 2011, рис. 39]. В женском погр. 38 Дэрестуйского могильника находились два «ажурных кольца с прорезями в виде запятых» [Давыдова, Миняев, 1987, с. 185, рис. 3] – детали поясного украшения. По монетам «у-шу» это погребение датировано не ранее 118 г. до н.э., наиболее вероятной датой представляется I в. до н.э. Таким образом, данные бляхи появились на юге Сибири во II–I вв. до н.э.

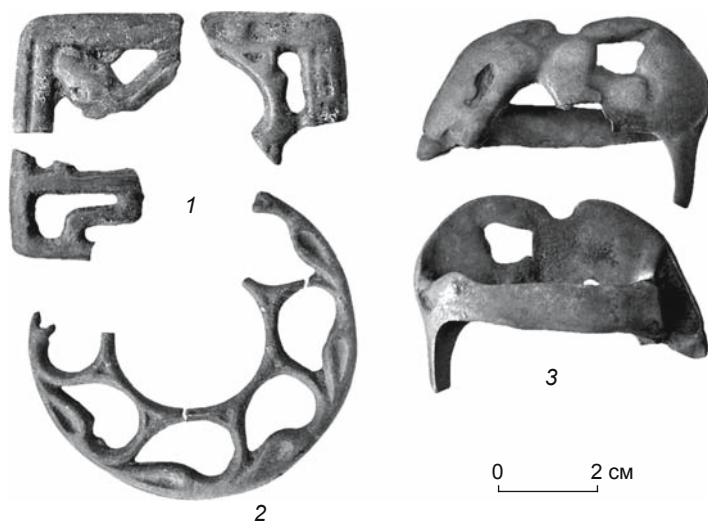

Рис. 7. Бронзовые ажурные бляхи (1, 2) и зооморфная пряжка (3).

Ложечковидные застёжки представлены 16 экз. (рис. 8). Они сделаны из бронзы и различаются по размерам, изображению и форме крепления. Четыре одинаковые застёжки длиной 4 см, диаметром в узкой втульчатой части 0,5 см украшены стилизованным изображением барана. Барельефом выделены сведенные рожки (вид сверху), тремя поперечными прорезями обозначены их основание и границы роговых пластин (рис. 9, 7, 9, 12). Прорезанными линиями выполнены носовая часть и глаза. На трех более крупных застёжках, длиной 4,6 см, зооморфное изображение (козла или коня) с широким желобком между рогами либо ушами и поперечной выемкой на них, основание подчеркнуто. Выделены глаза и нос (рис. 9, 13, 14). Две застёжки – наиболее широкие из всех, диаметром до 1 см в узкой втульчатой части, длиной 4,3 см. На них изображены в профиль головы баранов с завернутыми вокруг ушей и глаз рогами, на которых барельефом выделены «морщины» (рис. 9, 6). Две самые длинные (5,7 см) застёжки (диаметр во втульчатой части 0,8 см) без изображений (рис. 9, 5, 11). Остальные дублируют вышеописанные зооморфные, но они укороченные, одна сломанная. На застёжках с изображением баранов удалена носовая часть морды животного, при этом с тыльной стороны перемычка и втулка размещены в нормальных пропорциях.

Ложечковидные застёжки встречаются практически во всех погребальных комплексах икладах хуннского времени и являются своеобразным маркером этой эпохи. Они представлены в Аскыровском кладе [Вадецкая, 1999, рис. 38], материалах Иволгинского (погребения 32, 185) [Давыдова, 1996, с. 14–23, табл. 8, 51] и Дэрестуйского [Давыдова, Миняев, 1993, рис. 5, 6] могильников, поселения у с. Дурёны (Кяхтинский

Рис. 8. Ложечковидные застёжки из бронзы.

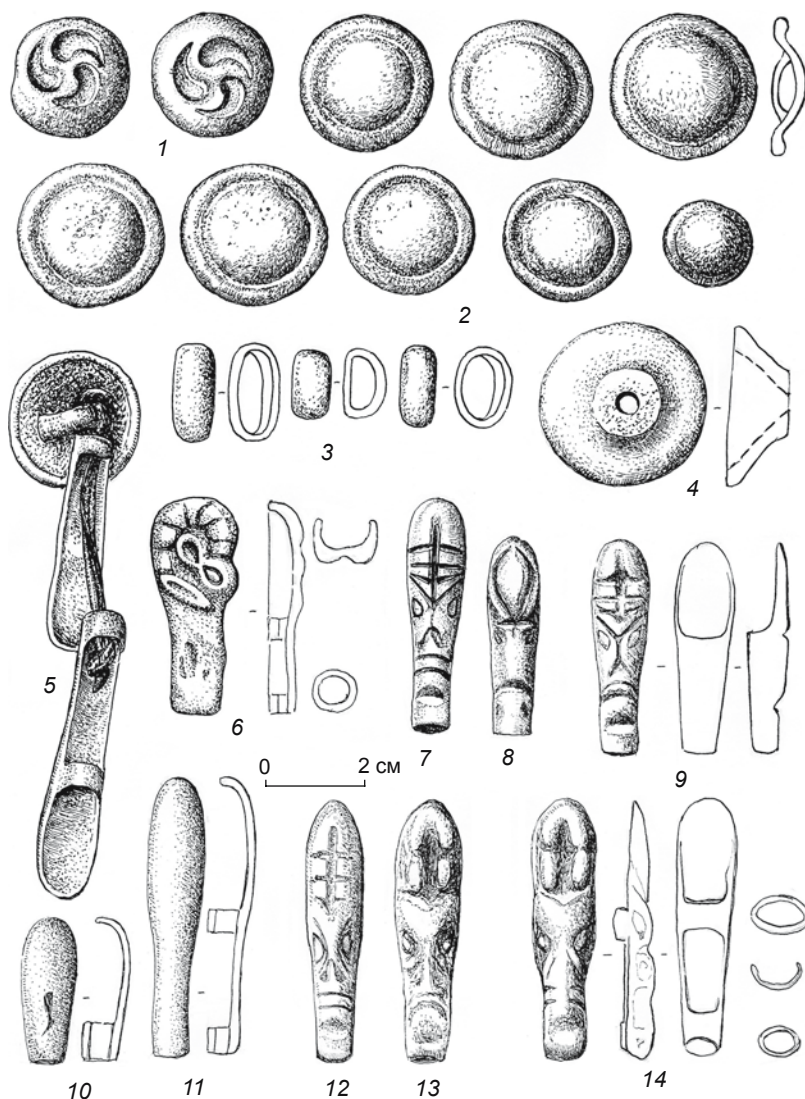

Рис. 9. Бронзовая фурнитура.

1, 2 – бляшки; 3 – прони́зы; 4 – варворка;
5–14 – ложечковидные застёжки.

музей, инв. № 929/3, 2541-8), могильников Черное Озеро I (могилы 9, 18 кург. 1) [Савинов, 2009, с. 68, табл. XXV], Есино III (могилы 24, 30) [Савинов, 1994, с. 63–68], у д. Калы I (могилы 23а, б, 34б) [Кузьмин, 1988, рис. 13, 22–32], тесинских погребений II–I вв. до н.э. у г. Саяногорска [Кузьмин, 1983], Карасук V и Барсучиха-I [Комплекс..., 1979, рис. 52, с. 85, 87]. Ложечковидные застёжки встречаются в могилах с монетами «у-шу», выпускавшимися в Китае с 118 г. до н.э., следовательно, могут датироваться не ранее рубежа II–I вв. до н.э. Точные даты в рамках I в. до н.э. получены по материалам могильника у д. Калы I [Кузьмин, 1988, с. 81]. Распространение их отмечено в материалах фоминского этапа (начало I тыс. н.э.) в Верхнем Приобье и Кузнецком Алатау [Ширин, 2003, с. 69]. В Косогольском кладе содержатся 35 ремённых бронзовых наконечников с рельефным стилизованным изображением морды зверя [Нашёкин, 1967].

Д.Г. Савинов отмечает, что ложечковидные застёжки со стилизованным изображением головы «антилопы сайги» находят парами в составе поясного набора в женских погребениях, но назначение их не ясно. На женщине, погребённой в мог. 9 кург. I могильника Черное Озеро I, был кожаный пояс с симметрично расположенными ложечковидными застёжками и бронзовыми подвесными кольцами, точно так же, как и во многих хуннских захоронениях, например в погр. 38 Дэрестуйского могильника [Савинов, 2009, с. 79]. А.В. Давыдова называет данные изделия ложечковидными пряжками [1996, с. 17], которые нередко украшались стилизованным изображением головы животного. Ложечковидные застёжки характерны для территорий, покорённых хунну, где их изготавливали не только из бронзы, но и из железа. Одно из назначений этих предметов выяснено благодаря находке из тагарского кургана на оз. Утинка: она «служила застёжкой поворотного типа для пряжки» [Бобров, 1979, с. 175].

С.С. Миняев пишет, что поясные пряжки, ложечковидные застёжки были широко распространены в хуннское время во всем поясе азиатских степей. Основные их ареалы, кроме среднего Енисея, – Забайкалье, Монголия и Ордос. Повсюду они надёжно датируются II–I вв. до н.э. [Миняев, 2007, с. 25–40, 76]. Подобные изделия, обнаруженные в одном из хуннских захоронений, описываются как детали пояса: «...две бронзовые полукруглые в сечении обоймы с петлями для крепления на тыльной стороне» напоминают «ложечковидные застёжки» и служили бляхами-зажимами поясного ремня [Асеев, Худяков, Цэвэндорж, 1987, с. 133, рис. 3, 23, 24]. На лицевой стороне одной обоймы схематическое рельефное «украшение в виде головы косули», выполненное в традициях хуннского варианта звериного стиля [Там же]. А.И. Мартынов называет эти изделия ложечковидными застёжками и наконечниками ремней [1979, с. 64, 128]. С.И. Руден-

ко упоминает их как бронзовые ложечковидные пряжки для плетёных и кожаных поясов, которыми хунну подпоясывали распашную одежду [1962, табл. XVI, рис. 2, 3]. В статье о ложечковидных изделиях И.Л. Симонова высказывает предположение, что они переняты хунну у сяньби [2004]. При этом автор ссылается на работу С.А. Комиссарова [1996], где рассматривается термин *яньбо голо дай* или *сяньби голо дай* (*дай* – «пояс»), обозначающий хуннский пояс с пряжкой-крючком и изображением зверя на ней. Однако в его статье речь идет об образе единорога на ажурных пряжках III в. н.э., появившихся под влиянием культуры сяньби, а не о ложечковидных застёжках. До этого использовались образы фауны Алтае-Саянского нагорья, развитые в скифском искусстве. Мнения об использовании ложечковидных изделий, как видим, не однозначны, как и интерпретации изображений животных на них. На предметах из Уйбатского клада в одном случае изображен баран со сжатыми широкими рогами (вид сверху), в другом – животное, напоминающее взнузданного коня. Лишь профильные изображения на двух ложечковидных застёжках конкретно отображают архара с завернутыми рогами. У сибирских горных архаров рога мощные, гомонимные [Сельскохозяйственная энциклопедия, 1949; Кашкаров и др., 2008, рис. 2, с. 255–258]: правый закручивается вокруг своей оси направо, а левый – налево, при этом их концы направлены вперед и в стороны. Архары близких видов населяют Алтае-Саянское нагорье, включая Алтай, Туву, Северо-Западную Монголию, на востоке доходят до верхнего течения р. Селенги и до гор Восточной Монголии. Образы горных козлов и баранов (архаров) использовались в бронзовой пластике со скифского времени на всей территории Южной Сибири, Северной Монголии и Северного Китая. Они определяют минусинский стиль зооморфных скульптурных изображений.

Зооморфная пластика представлена предметом из оловянистой бронзы с барельефом животного и скобой на обратной стороне (см. рис. 6, 1; 7, 3). Длина фигурки 6,5 см. Изображено животное с вывернутым тазом, поднятыми вверх задними лапами и опущенным хвостом. У фигурки обломаны передняя лапа и конец хвоста. Конкретизировать вид животного невозможно, т.к. изображение морды не детализировано. Она вытянута, как у собаки, показана только раскрытая маленькая пасть. На морде виден дефект отливки. Уши округлые, прижатые. В рельефе выделена только мускулатура животного. Упрощение образа не характерно для скифского звериного стиля. Оно развивается позже.

Мелкая фурнитура поясов и конской упряжи, как и все прочие вещи клада, бытовала во II в. до н.э. – I в. н.э. Это бронзовые круглые бляшки с выпуклой серединой, а также две с солярным символом, упоми-

навшиеся в связи с зеркалами, – украшения одежды (см. рис. 9, 1, 2); железные и бронзовые кольца-соединители поясов и подвесных звеньев (см. рис. 5, 1); колчанные и поясные варворки (см. рис. 9, 4), запиравшие ремешки застежек для ножен и колчанов; бронзовые пронизи, украшавшие пояса и сбрую (см. рис. 9, 3). Круглые бляшки с выпуклой серединой имеют диаметр от 2,0 до 2,7 см. Эти украшения встречаются практически во всех погребениях указанного периода. Серебряные и золотые бляшки с вихревым лепестковым декором (мелкие – до 1 см в диаметре и крупные – до 3 см) украшали головные уборы погребенных в могильнике хуннского времени Яломан II на Алтае [Тишкин, 2010, с. 41–44]. Аналоги колесовидного (диаметр 3 см) распределителя ремней с тремя перемычками-лучами (см. рис. 6, 5) происходят из мог. 30 могильника Есино III [Савинов, 1994, с. 67, рис. 9, 6; 2009, рис. 10], тесинских погребений II–I вв. до н.э. у г. Саяногорска [Кузьмин, 1983], хуннского комплекса Черное Озеро I (кург. 1, мог. 9), погребения по обряду трупосожжения на горе Арчекасс [Вадецкая, 1999, рис. 38], мог. 75 некрополя Тепсей VII [Комплекс..., 1979, рис. 52], и это далеко не полный перечень. На одном таком изделии с четырьмя перемычками (Тепсей VII) были закреплены с двух противоположных сторон узкие кожаные ремешки. Такая же система закрепления использовалась для подвесных звеньев в поясном наборе и посредников для подвешивания предметов к поясу.

Топоры и тесловидные орудия (6 экз.) сделаны из железа. Интересна технология изготовления крупного проушного топора. Он состоит из двух выполненных отдельно частей (лезвия и проушины), скрепленных между собой посредством кузнечной сварки (рис. 10, 2). У двух других орудий этого типа проушины отломаны (рис. 10, 3, 4). Длина лезвий 13 см. Большие проушные топоры из Аскыровского клада [Вадецкая, 1999, с. 72, рис. 38, 1] по форме близки уйбатскому. Аналогичное орудие представлено в экспозиции Минусинского регионального краеведческого музея (№ 7906). Два проушных топора найдены вместе с кинжалами с круглой планкой в кладе, закопанном в насыпи кург. 1, который был исследован Саянской экспедицией СО РАН в полосе строительства железной дороги Курагино – Кызыл. Они отнесены к хуннскому периоду [Худяков и др., 2011, с. 489]. Такие топоры могли применяться и как боевые, и как хозяйственные. Их типология и хронология не разработаны.

Втульчатые тесловидные орудия (рис. 10, 1; 11, 2; 12, 6) близки образцам из Аскыровского клада, который хотя и не датирован, но, судя по дате единственной пряжки, мог быть оставлен в I в. н.э. (верхняя дата). Коллекция сошников (случайные находки), хранящихся в Яхтинском музее, предположительно этого же времени [Давыдова, Шилов, 1953,

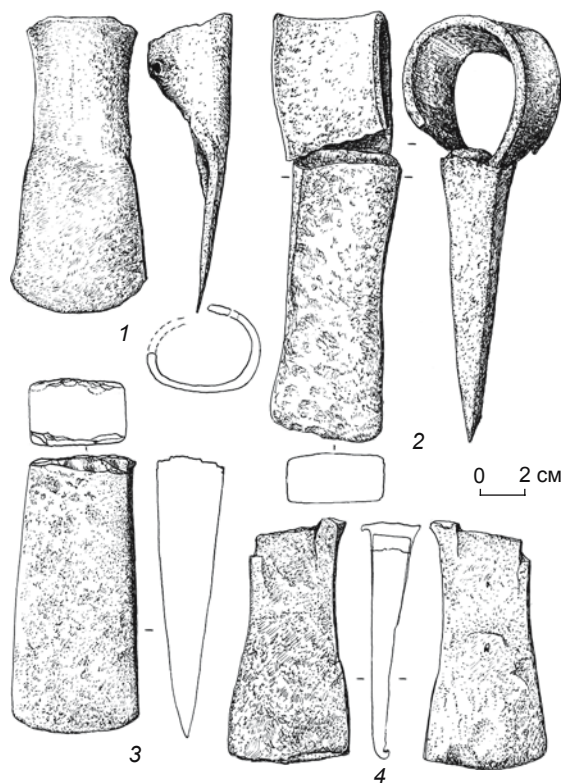

Рис. 10. Тесловидное орудие (1) и топоры (2–4).

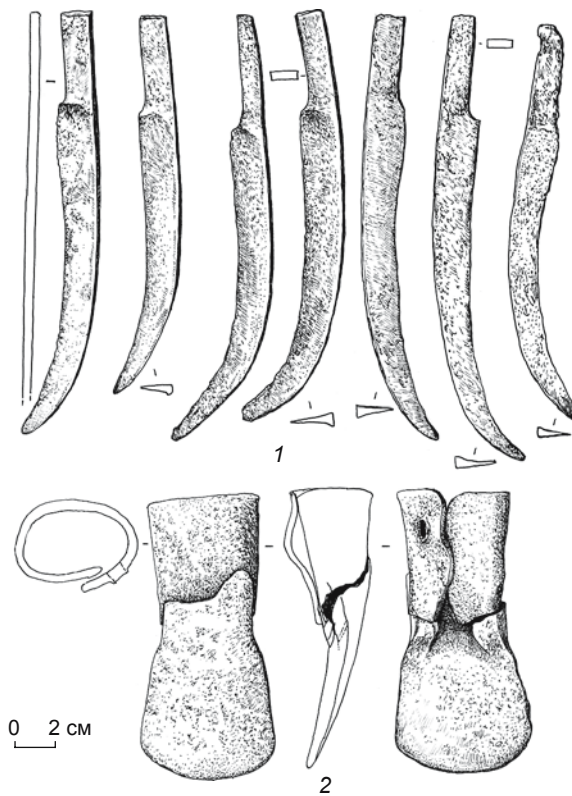

Рис. 11. Серповидные ножи (1) и тесловидное орудие (2).

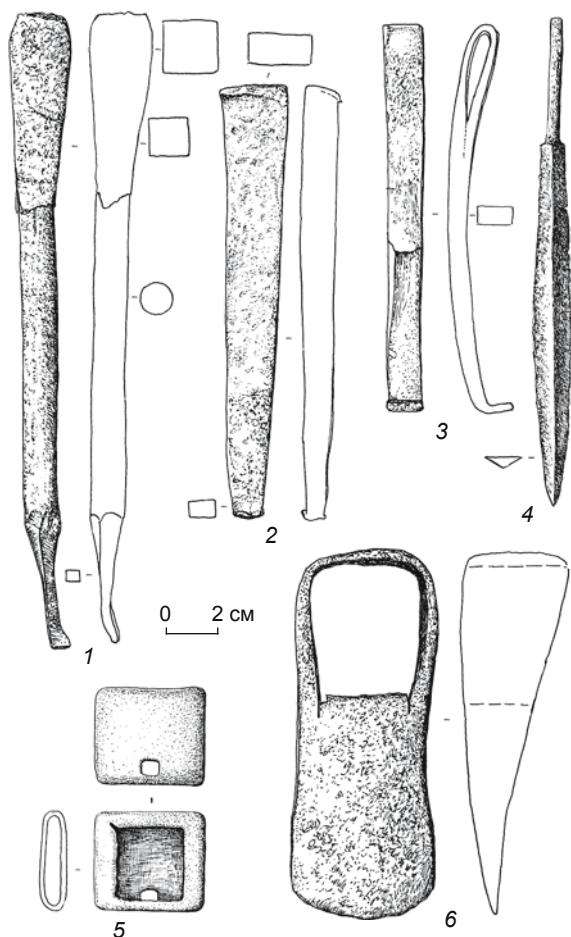

Рис. 12. Железные инструменты (1–4), бронзовая обойма (5) и железное тесловидное орудие (6).

с. 198]. Тесловидные орудия сходны с сошниками или наральниками, использовавшимися как наконечники сох для разбивания почвы при посадке культур. Такая интерпретация назначения применима к трем инструментам по типу крепления. Два из них имеют сомкнутую втулку и маленький лоток с овальным лезвием (см. рис. 10, 1; 11, 2). Длина орудий 13 см, рабочей части 5 см. Один инструмент сломан в месте соединения патрубка с лотком. Втулка крепилась к рукояти путем сжатия закраин и фиксации с помощью металлического штыря, просунутого через отверстие. Одно орудие имеет проушный насад на рукоять, как у мотыг (рис. 12, 6).

Железные серповидные ножи (см. рис. 11, 1) представлены 11 экз. Они изготовлены в одном стиле с вышеописанным коротким ножом, аналоги которого были распространены в хуннское время – в начале I тыс. н.э. У всех выделен черешок и односторонняя бороздка. Серповидные ножи в большей части погребений хуннского времени не встречаются. Но орудия земледелия (сошники и серповидные ножи) найдены на Иволгинском городище [Там же, с. 196–198, рис. 4,

а, б]. Два железных серповидных ножа аналогичной формы были получены при раскопках поселения Ушлѣп-5 (Салаир, Алтайский край) с радиоуглеродными датами в рамках I–II вв. н.э. [Кунгурова, 1996, рис. 52]. Орудия земледелия из клада близки таковым китайских земледельцев позднего средневековья. У народов Южной Сибири серповидные ножи служили для срезания пучков стеблей травянистых растений при заготовке зимней подкормки для животных и сборе злаковых [Радлов, 1989, с. 123–210]. На поселениях хуннского времени найдены зернотерки, зерна проса и хранилища с остатками зерна [Давыдова, Шилов, 1953, с. 196–198; Кунгурова, 1996, с. 18].

Пять железных предметов из клада, предположительно инструменты, не имеют аналогов: штырь с погнутом острием, близкий керну – орудю по металлу (см. рис. 12, 1); брусок с забитым заостренным концом, подобный зубилу (см. рис. 12, 2); изогнутый крюк с петлей (см. рис. 12, 3) и два небольших ножевидных предмета, причем один – узкий клинок – оснащен ребром лишь с одной стороны (см. рис. 12, 4). Подобные изделия ранее не встречались. В данном случае любая вещь, помещенная в клад, отделена от хозяйственно-бытового пространства и не вносит ясности ни в ее назначение, ни в целесообразность самого тайника.

Заключение

Предметы из Уйбатского клада характерны для тесинского этапа тагарской культуры, а именно, III–I вв. до н.э. (тесинская культура) и хуннского периода (II в. до н.э. – начало I тыс. н.э.). Даты изделий в основном укладываются в рамки II–I вв. до н.э. Не исключено, что часть бронзовых предметов относится именно к этому периоду, а железные (топоры, сошники, серпы) могут быть датированы более поздним временем, вплоть до I в. н.э. Последнее является только предположением, поскольку топовидные орудия и серповидные ножи почти не встречались в погребениях, давших спектр дат. Ложечковидные застёжки, круглые ажурные бляхи с композицией из псевдорогов, бляшки с выпуклой серединой, кинжалы со щитковым дисковидным навершием, по мнению Н.Ю. Кузьмина, определяют инвентарь могил среднего этапа (II, Па) тесинской культуры в Минусинской и Чулымско-Енисейской котловинах [Кузьмин, 2011, рис. 39, 43]. Согласно радиоуглеродным определениям [Там же, с. 218], второй этап датируется серединой I в. до н.э. – серединой II в. н.э. Так, даты, полученные по материалам курганов Тепсей VII и XVI, наземного склепа кургана Новые Мочаги и могильника у д. Калы, укладываются в рамки I в. до н.э. – середины III в. н.э. [Там же, с. 220].

Уйбатский клад – не единственный тайник предметов, хронологические рамки бытования которых

позволяют отнести эти памятники ко II в. до н.э. – I в. н.э. Клады в данное время становятся показателем значимых изменений в экономике и политической обстановке. Прежде всего это вхождение Минусинской котловины в состав государства Хунну [Савинов, 2009, с. 102], с чем связан в целом инновационный характер тесинской материальной культуры. «Новое (тесинское) население, не будучи хуннами, обладало культурой хуннского типа, инкорпорированной в местную тагарскую среду» [Тишкин, 2007, с. 178]. Хуннское господство на территории Южной Сибири устанавливалось в конце III в. до н.э. – конце I в. н.э., в особенности после 123 г. до н.э., когда хунну перенесли свою ставку в Северную Монголию. На рубеже III–II вв. до н.э. тагарские племена вступили в новый этап своего развития. Надо сказать, что дальнейший период не был спокойным для местного населения, и уже в 95 г. н.э. северные хунну потерпели поражение от сяньби и утратили свое господство в большей части Центральной Азии [Там же]. В «Истории Поздней Хань» есть упоминание о военных столкновениях в середине II в. между населением Минусинской котловины и сяньбийскими племенами, занявшими в Центральной Азии место хунну [Бичурин, 1950, с. 154].

В кладе находились предметы тагарской культуры и чуждые ей вещи: топоры, аграрные инструменты, оружие из железа, ажурные бронзовые украшения узды и поясов. На памятниках II в. до н.э. – I в. н.э. типологически выделяются две группы изделий: традиционные тагарские бронзы, генетически связанные с инвентарем предшествующего периода, и хуннские стереотипы. Среди вещей Уйбатского клада не встречаются предметы, распространявшиеся позже II в. н.э., когда появился ряд элементов предметного комплекса улуг-хемской и таштыкской культур, далеких от хуннской, но имеющих соответствия в сопроводительном инвентаре сяньбийских могильников [Худяков, Алкин, Юй Су-Хуа, 1999]. В этот период кочевники Минусинской котловины и Тувы вошли в состав сяньбийской кочевой державы. Поэтому местное население приняло новые формы из культуры господствующего сяньбийского этноса. В 93 г. сяньби заняли территорию влияния хунну. Начался процесс угасания и трансформации хуннской культуры. Конец I – начало II в. н.э. ориентировочно является верхней границей интервала, в пределах которого может быть датирован Уйбатский клад, однако наиболее вероятно, что он относится ко II – I вв. до н.э.

Существует мнение, что кладыв оставались мастерами [Миняев, 1983, с. 102], занимавшимися изготовлением и переплавкой предметов для хозяйственных нужд населения. Часто фиксируемые помещения тайников в насыпях курганов, оставление на них опознавательных знаков в виде камней свидетельствуют о схроне особого рода предметов для каких-то целей.

В Уйбатском кладе присутствуют наборы конкретных вещей: зеркал, ложечковидных застёжек, бляшек-пуговиц, земледельческих орудий и др. Предметы не являются ломом, большинство из них целые, хорошего качества. Можно даже предположить, что они были предметами обменно-торгового процесса. Большое количество кладов в тесинский период может объясняться неспокойной обстановкой, с одной стороны, и выделением института купечества – с другой. Со временем основания империи Хунну и ее завоеваний связано поступление вещей, не характерных для скифских культур. Вместе с тем во II в. до н.э. завершилось формирование единой системы Великого Шелкового пути, охватившего обширный ареал Северной Азии, включая Минусинскую котловину.

Список литературы

- Азбелев П.П.** Хуннские элементы в таштыкском декоре // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск, 2008. – Вып. 7. – С. 66–75.
- Асеев И.В., Худяков Ю.С., Цэвэндорж Д.** Погребение хуннского воина на горе Сул-Толгой // Археология, этнография и антропология Монголии. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 126–136.
- Бичурин Н.Я.** Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.; Л.: Ин-т этнографии АН СССР, 1950. – Т. I. – 382 с.
- Бобров В.В.** Тагарский курган на оз. Утинка // Древние культуры Сибири и Тихоокеанского бассейна. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 170–181.
- Валецкая Э.Б.** Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. – СПб.: Петербург. Востоковедение, 1999. – 440 с.
- Ван Ган-Хуай.** Саньхуайтан цзан цзин (Зеркала, из сокровищницы павильона «Три софоры»). – Пекин: Вэньу чубаньше, 2004. – 281 с. (на кит. яз.).
- Давыдова А.В.** Иволгинский археологический комплекс. – СПб.: Петербург. Востоковедение, 1996. – Т. 2: Иволгинский могильник. – 176 с.
- Давыдова А.В., Миняев С.С.** Пояс с бронзовыми бляшками из Дырестуйского могильника // Археологические исследования на Алтае. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 1987. – С. 184–187.
- Давыдова А.В., Миняев С.С.** Новые находки наборных поясов в Дырестуйском могильнике // Археологические вести. – 1993. – № 2. – С. 55–65.
- Давыдова А.В., Шилов В.П.** К вопросу о земледелии у гуннов // Вестн. древней истории. – 1953. – № 2. – С. 193–201.
- Дэвлет М.А.** Сибирские поясные ажурные пластины // Археология Северной и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1975. – С. 150–155.
- Дэвлет М.А.** О происхождении минусинских ажурных поясных пластин // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. – М.: Наука, 1976. – С. 219–227.
- Ермолаев А.П.** Ишимская коллекция: описание коллекций Красноярского музея. Отдел археологический. – Красноярск: [Тип. М.И. Абалакова], 1914. – Вып. 1. – 19 с.

Кашкаров Е.П., Вырыпаев В.А., Скоробогач А.В., Нольфин Г.В., Грибков А.В., Барашкова А.Н., Ищенко И.В. Аргали: роль краевых популяций в стратегии сохранения подвида // Ритм. – 2008. – № 2. – С. 255–291.

Комиссаров С.А. Сяньбэй – «племя единорога» // 100 лет гуннской археологии: Номадизм – прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен: тез. докл. Междунар. конф. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1996. – Ч. I. – С. 31–33.

Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее / М.П. Грязнов, М.П. Завитухина, М.Н. Комарова, С.С. Миняев, М.Н. Пшеницына, Ю.С. Худяков. – Новосибирск: Наука, 1979. – 167 с.

Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. – 248 с.

Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2007. – 282 с.

Кузьмин Н.Ю. Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея: Тесинская культура. – СПб.: Айсинг, 2011. – 456 с.

Кузьмин Н.Ю. Тесинские погребальные памятники на юге Хакасии у г. Саяногорска // Древние культуры Евразийских степей. – Л.: Наука, 1983. – С. 72–75.

Кузьмин Н.Ю. Тесинский могильник у деревни Калы // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири: По материалам раскопок 1980–1984 гг. – Л., Наука, 1988. – С. 55–82.

Кунгурова Н.Ю. Отчет об обследовании предгорным отрядом Алтайской археологической экспедиции АГУ поселения Ушлѣп-5 в Солтонском районе Алтайского края летом 1995 г. Барнаул, 1996 // Архив ИА РАН. Р-1. № 19190. 150 с.

Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины (I в. до н.э. – V в. н.э.). – М.: Моск. гос. ун-т, 1960. – 198 с.

Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины: К вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири. – М.: Наука, 1975. – 170 с. + 109 ил.

Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. – Новосибирск: Наука, 1979. – 208 с.

Миняев С.С. Хуннские бронзы на Среднем Енисее // Древние культуры евразийских степей. – Л.: Наука, 1983. – С. 101–103.

Миняев С.С. Дырестуйский могильник. – СПб.: СПб. гос. ун-т, 2007. – 233 с. – (Археологические памятники сыну; вып. 3).

Нашёкин Н.В. Косогольский клад // АО 1966 года. – М.: Наука, 1967. – С. 163–165.

Радлов В.В. Из Сибири: Страницы дневника. – М.: Наука, 1989. – 750 с.

Руденко С.И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – 206 с.

Савинов Д.Г. Минусинская провинция Хунну: (По материалам археологических исследований 1984–1989 гг.). – СПб.: ЭлекСис, 2009. – 226 с.

Савинов Д.Г. Могильник Есино III на юге Хакасии (предварительное сообщение) // Изучение древних культур и цивилизаций: Археологические изыскания. – СПб.: ИИМК РАН, 1994. – Вып. 14. – С. 63–68.

Сельскохозяйственная энциклопедия. – М.: Сельхозгиз, 1949. – Т. 1. – 620 с.

Симонова И.Л. Сайга или единорог? (К вопросу интерпретации изображений на ложечковидных изделиях) // Памятники археологии и художественное творчество. – Омск: Ом. гос. пед. ун-т, 2004. – С. 24–28.

Скопинцева Г.В. Новый могильник раннескифского времени в предгорьях Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 1998. – С. 120–124.

Соёнов В.И., Эбель А.В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуни. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. гос. ун-т, 1992. – 116 с.

Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – 493 с. – (Археология СССР).

Тишкин А.А. Предметы торевтики хуннского времени из памятника Яломан-II (Центральный Алтай) // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии. – Барнаул: Азбука, 2010. – С. 40–45.

Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2007. – 356 с.

Тишкин А.А., Серёгин Н.Н. Металлические зеркала как источник по древней и средневековой истории Алтая. – Барнаул: Азбука, 2011. – 144 с.

Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск: Наука, 1979. – 126 с.

Худяков Ю.С. Проблема генезиса культуры хуннского времени в Горном Алтае // Древности Алтая: Изв. лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 1998. – № 3. – С. 97–112.

Худяков Ю.С., Алкин С.В., Юй Су-Хуа. Сяньби и Южная Сибирь // Древности Алтая: Изв. лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 1999. – № 4. – С. 163–169.

Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Митько О.А., Борисенко А.Ю., Тетерин Ю.В. Начало работ Саянской комплексной экспедиции ИАЭТ СО РАН в полосе строительства железной дороги Курагино – Кызыл // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2011 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 487–490.

Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. – М.: Наука, 1967. – 300 с.

Ширин Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тысячелетия н.э. (погребальные памятники фоминской культуры). – Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2003. – 288 с.

Ширин Ю.В. Многослойное поселение Казанково-V // Кузнецкая старина. – Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1999. – Вып. 4. – С. 25–38.

Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2009. – 328 с.

*Материал поступил в редколлегию 14.08.12 г.,
в окончательном варианте – 05.09.12 г.*